

УДК: [72.036+711.4.03](571.1)

*ДУХАНОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, канд. архитектуры,
ssd613@ngs.ru
Новосибирская государственная архитектурно-художественная
академия,
630099, г. Новосибирск, Красный проспект, 38*

ОРГАНИЗАЦИЯ АРХИТЕКТУРНО- ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ 1920 – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.*

В статье рассматривается влияние на ход формирования новых промышленных городов Западной Сибири первой пятилетки такого малоизученного фактора, как взаимовлияние архитектурно-градостроительной деятельности и местных условий.

Целью статьи является выявление региональных особенностей архитектурно-градостроительной среды новых городов Западной Сибири. Методика исследования: сопоставительный анализ свидетельств архивных материалов конца 1920 – начала 1930-х гг. о формировании новых городов Западной Сибири – Новосибирска, Барнаула, Кемерово, Прокопьевска и Новокузнецка. На основе сопоставления городов Кузбасса с Новосибирском и Барнаулом выявляются общие и особенные черты городов Западной Сибири.

Анализ архивных материалов позволяет сделать следующие выводы. В годы первой пятилетки архитектурно-планировочные особенности городов Западной Сибири формировались в ходе взаимодействия архитектурно-градостроительной деятельности и региональных условий. В Новосибирске и Барнауле это взаимодействие было организовано краевыми властями. Напротив, в новых городах Кузбасса оно шло в стихийных формах и привело к формированию клубка местных градостроительных противоречий.

Ключевые слова: индустриализация; градостроительство Западной Сибири; архитектурно-градостроительная деятельность; региональные условия.

*SERGEI S. DUKHANOV, PhD,
ssd613@ngs.ru
Novosibirsk State Academy of Architecture and Fine Arts,
38, Krasnyi Ave., 630099, Novosibirsk, Russia*

ARCHITECTURAL AND TOWN PLANNING ACTIVITIES IN WEST SIBERIA IN THE LATE 1920'S AND EARLY 1930'S

The paper considers the formation of new industrial cities in West Siberia of the First Five-Year Plan (1928–1932) during the interaction between regional conditions and architectural and town planning activity.

The purpose is to identify regional features of the architectural and urban environment in West Siberia. A comparative analysis of archival materials of the late 1920s and early 1930s is

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки России в рамках научно-исследовательского проекта по программе «Формирование государственного задания высшим учебным заведениям в части проведения научно-исследовательских работ». Задание № 2014/137.

presented for the formation of new West Siberian cities, namely: Novosibirsk, Barnaul, Kemerovo, Prokopyevsk, and Novokuznetsk. The comparison of Novosibirsk, Barnaul and Kuzbass cities shows general and specific features of the cities.

The analysis of archival materials shows that regional architectural and town planning features in West Siberia of the First Five-Year Plan have been formed during the interaction of the departmental approach and regional conditions. In Novosibirsk and Barnaul, this interaction was organized by the regional authorities. On the contrary, in Kuzbass cities this process was uncontrollable and resulted in emergence of new problems of town planning.

Keywords: industrialization; town planning; architectural and town planning environment; regional activity.

В годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) Западная Сибирь была одним из наиболее восточных районов СССР, охваченных масштабной индустриализацией. Ее природные и социально-экономические условия – ландшафт, климат, транспортная система, быт населения и др. – существенно отличались от условий в европейской части страны, на опыт которой опирались центральные планирующие организации, составляя первый пятилетний план.

Индустриализация велась на основе единых для всех регионов СССР принципов, и, на первый взгляд, при таком централизованном подходе не могло остаться места для проявления региональной специфики в архитектурно-градостроительной сфере. Однако игнорирование региональных различий, как ни парадоксально, предопределило ведущую роль, которую региональные условия стали играть в архитектурно-градостроительной деятельности.

Осуществлением грандиозного строительства на местах занимались строительные управления отдельных промышленных объединений (ведомств). Как показала в своих исследованиях Ю.Л. Косенкова, в 1920–1930-е гг. в ведомственном подходе к градостроительству доминировали административные, а не правовые методы [1, с. 335]. Развитие городов, как правило, определялось не генпланами, а деятельностью отдельных ведомственных застройщиков, которые, прежде всего, выбирали площадки для своих заводов и лишь затем, по остаточному принципу и без участия архитекторов отводили площадки для будущих поселков [2, с. 12–15]. Е.В. Коньшева и М.Г. Меерович, изучавшие материал по Уралу, отмечают, что промышленность руководствовалась при этом исключительно требованиями технологии производства [3]. На примере Магнитогорска они показали, что ведомственный подход привел в результате к возникновению местных градостроительных проблем [4].

Отдельные промышленные объединения по своей природе не могли охватить всего комплекса архитектурно-градостроительных вопросов, а центральные планирующие организации не считали необходимым выделять им крупные средства на изучение и преобразование природной среды. В результате ведомственные застройщики оказались в полной зависимости от местных условий, которые они не только не могли изменить в благоприятную сторону, но и не представляли во всей полноте. Одним из регионов, где неизбежное в этих обстоятельствах столкновение планов с реальностью проявилось наиболее резко, стала Западная Сибирь.

Ландшафт. Промышленные объединения Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) подошли к Западной Сибири на основе опыта, приобретенного в европейской части страны. Вследствие этой методологической ошибки

была проигнорирована региональная специфика. Между тем климат, геология и даже водный режим рек имели здесь существенные отличия. Но ведомства свели все к отрывочным наблюдениям разрозненных комиссий и увидели в Сибири то, что захотели увидеть – огромные объемы природных ресурсов, не требовавшие особых усилий для освоения. В результате сметы стройуправлений заводов и шахт оказались «некомплектными», поскольку в них отсутствовали крупные расходы на преобразование ландшафта. Особенно тяжелые последствия такой подход имел в неизученном Кузбассе.

Прежде всего обнаружил себя недоучет региональных условий производства, когда идеальные на бумаге технологии после пуска обернулись против создателей. Промышленные объединения стремились сократить затраты на промышленную инфраструктуру. В ВСНХ, а затем и в Наркомате тяжелой промышленности даже Томь считалась «многоводной» рекой [5, с. 23, 24, 26]. Поэтому в Западной Сибири ведомства отказались от масштабного гидростроительства, рассчитывая брать воду прямо из рек.

Отсутствие огромных заводских прудов стало особенностью ландшафта сибирских городов. В 1932 г. на это региональное отличие обратил внимание М.П. Горлов. Он отмечал, что если на Урале уже имелось свыше сотни заводских плотин, а площадь зеркала крупнейших прудов составляла десятки километров, то «ни Западная, ни Восточная Сибирь никакой постройки крупных водосборных сооружений, в целях образования заводских прудов, не производили» [6, с.13]. Но та же Томь была многоликой. Из-за горного питания она имела быстрое течение и отличалась резкими перепадами уровня во время весенних и осенних паводков. В отдельные зимние и летние месяцы река сильно мелела. Из-за этого водоприемные галереи комбинатов забивались песком, галькой и донным льдом (шугой), что не раз приводило к серьезным авариям и экстренной остановке заводов. Выходом могло стать шлюзование Томи: это увеличило бы толщу воды и замедлило течение реки. Кроме того, фиксация русла избавила бы поселения и заводы от паводков [7, л. 238, 252–255, 268–270]. Но теперь реализация таких проектов усложнялась, поскольку для удобства водоснабжения предприятия построили на нижних террасах.

Кузбасс имел и свою геологическую специфику. Так, проходка левобережных шахт в Кемерово должна была осуществляться, как оказалось вскоре после строительства основных шахтных сооружений, в речниках (галечниках), что означало колоссальные затраты на добычу [8, л. 35–36, 56–57]. Для уникальных сверхмощных пластов коксующихся углей Прокопьевска не была заблаговременно разработана технология добычи. Опыт Донбасса здесь не годился: приходилось либо оставлять нетронутые «целики» ценного сырья, либо, выбирая уголь целиком, провоцировать обширные обрушения и массовые подземные пожары. Разрушенные таким образом территории автоматически выключались из любого строительства [9, с. 48; 10, с. 27, 145].

Грунты под заводами оказались просадочными [7, л. 69–72]. Кузнецкстрой, опираясь на огромные запасы стройматериалов, оперативно организовал забивку сотен уплотняющих грунт монолитных бетонных свай [11, с. 60]. Казалось, фундаменты цехов получили надежную опору. Но с пуском завода стены стали деформироваться. Лишь в феврале 1933 г., после специ-

альных исследований, стало ясно, что все дело в так называемых лессовидных суглинках, которые при замачивании теряли несущую способность. Их физические свойства не учли при компоновке генплана. Чтобы сэкономить на лишнем насосах, сооружения, несущие наибольшее количество технических вод, были расположены в повышенных местах рельефа, что вызвало неизбежную инфильтрацию воды под подошвы фундаментов ниже расположенных объектов [11, с. 58, 63, 65]. Кроме того, «наиболее правильным порядком возведения сооружения на лессовидных грунтах должен являться порядок, совершенно обратный принятому: освоение площадки надо начинать прежде всего с планировочных работ, устройства водопроводной и канализационной сети» [11, с. 65].

Стройуправления столкнулись с проблемой нехватки в Кузбассе удобных строительных площадок, не требовавших дорогостоящей инженерной подготовки. Рост производственной программы в конце 1920-х гг. означал расширение предприятий. В Новосибирске и Барнауле этого не заметили: комиссии с участием краевых властей и строителей наметили площадки вдали от реки, что обеспечило заводам и городам значительные территориальные резервы. Напротив, в Кузбассе «превращение» предприятий в гиганты сразу исчерпало территориальные резервы. А стройуправления, решая свои проблемы, действовали по шаблону – за счет городов. В результате они не только усугубили дефицит площадок, но и создали ряд новых градостроительных проблем.

В сметах рудоуправлений отсутствовали расходы на закладочное хозяйство, которое в Кузбассе с его мощными угольными пластами требовалось вести в огромных масштабах. Исходя из этого Востокуголь в 1929–1931 гг., с одной стороны, стремился оградить чертой горного отвода почти все открываемые угленосные территории, а с другой – добивался вынесения за пределы отвода всех поселений. Угольщики доказывали: города мешают углеразработкам! Действительно, в Донбассе такие крупные угольные запасы не консервировались, но ведь и угленосность Кузнецкого бассейна была гораздо выше: в Кузбассе почти на 90 % пригодных для застройки территорий залегал уголь. Градостроительная идея Востокугля состояла в том, чтобы на оставшихся безугольных пятках создать один-два «концентрических поселка», в которых объединялось бы промышленное и сельскохозяйственное население [12, л. 24–26]. Красивая идея, в стиле ликвидации противоречий между городом и деревней, позволяла свободно вести угледобычу. Поэтому Востокуголь ревностно защищал создание соцгорода не в старом Прокопьевске, «мешавшем углеразработкам», а в 8 километрах от него – на неосвоенном Тыргане.

Это противоречило ведомственному подходу размещать поселки при шахтах, но руководство Востокугля прекраснодушно рассчитывало переложить свои расходы на другие ведомства: крайисполком строит город, Наркомат путей сообщения – дороги для доставки рабочих и т. д. В итоге Тырган остался мечтой, а основное жилье по-прежнему строилось при шахтах, на подрабатываемых территориях.

В Щегловске, когда на территории существующего города был обнаружен уголь, Рудоуправление, даже не изучив условий проходки, добилось

включение этого участка в черту горного отвода. Старый город подлежал сносу, началась подготовка к дорогостоящему переносу поселения на другое место [13, л. 37 об.].

В приречных городах Кузбасса, кроме борьбы рудоуправлений за вытеснение городов на безугольные участки, развернулась борьба заводов за вытеснение городов и с незатопляемых территорий. В Новосибирске отсутствие средств на благоустройство реки было учтено: площадки для города и промышленности на левом берегу были выбраны за широкой, в 1–2 км, поймой [14, л. 25 об.]. В Барнауле строительные преимущества Гляденской площадки также были признаны более значимыми, чем высота водоподъема, которая здесь достигала 100 м [15, л. 1–3].

Напротив, в Кузбассе тяжелая промышленность стремилась экономить и на высоте водоподъема, и на гидростроительстве. В результате в Новокузнецке в зоне затопления оказался будущий соцгород и так называемая Нижняя колония, а в Кемерово и часть предприятий. По опыту европейской части страны риск сочли допустимым. К тому же из-за малолюдности Кузбасса и форсированного строительства не удалось найти рабочую силу для трудоемких работ по надежной обваловке площадок. Но западносибирские реки текут на север и, кроме того, имеют ледниковое питание. Низовья схватываются льдом раньше и освобождаются от него позже, а поскольку в верховьях как раз начинаются дожди, это провоцировало особенно катастрофические паводки [16, с. 16–17; 17, с. 144].

После наводнения 1930 г. промышленность форсировала захват городских земель. Так, в Щегловске город-сад и примыкавшие к нему с запада «нахаловки» возникли раньше предприятий и поэтому заняли лучшие площадки. Промышленность своеобразно рассматривала эти участки с неблагоустроенной застройкой, в которой проживали тысячи людей, как свободные территории. Коксовые печи, электролитный цинковый, туковый и стекольный заводы размещались в 1929–1931 гг. прямо посреди временного жилья, вплотную к городу-саду [18, л. 4 об.; 19, л. 15–15 об.]. В результате, как писали работники Наркомтяжпрома, «строительство промышленных предприятий производилось за счет занятия территорий города. По мере пуска этих предприятий возникала потребность в сносе значительной части города в целях создания защитной зоны между промышленностью и жильем» [5, с. 23].

В то время как новостройки, расположенные на Томи, страдали от паводков, остальные испытывали острую нехватку воды. Большинство угольных поселений Кузбасса (кроме Кемерово и Ленинска) находилось вдали от естественных источников водоснабжения. Руководители угольной промышленности рассчитывали экономить на водопроводах и задействовать для снабжения поселений грунтовые воды. Однако с пуском шахт-гигантов, когда «уголь начали вырывать по вертикали, уровень подземных вод начал снижаться, и колодцы обмелели» [9, с. 57]. Воду пришлось завозить цистернами, а при дальнейшем росте городов строить дорогостоящие водопроводы (длина Прокопьевского, построенного в 1930–1933 гг., достигала 37 км) и овражные водохранилища [9, с. 58].

Жилища. Непредсказуемые последствия имела ведомственная установка на преимущественное строительство каменных жилых домов. Е.В. Хиценко приводит архивный материал по жилищному строительству в Западной Сибири конца 1920 – начала 1930-х гг., который свидетельствует о серьезных противоречиях между декларативными целями и возможностями существовавшей тогда в крае строительной инфраструктуры. В результате даже в Новосибирске имелись серьезные затруднения при реализации проектов каменных многоквартирных жилых домов [20, 21].

Но ведомственные застройщики игнорировали это обстоятельство. Так, Кузнецкстрой, согласно своей смете на жилищное строительство первой пятилетки, планировал застраивать рабочий и рудничные поселки на 95 % каменными трехэтажными домами. Напрасно в 1929–1930-х гг. Сибкрайкомхоз предлагал ему сократить долю каменных домов в рабочем поселке хотя бы до 60 %, а в рудничных – до 20 % и все остальные дома строить деревянными не более двух этажей [22, л. 76]. Это позволяло за те же средства обеспечить жилплощадь большее число рабочих. Сходных с Кузнецкстроем установок, хотя и в менее «экстремистском» варианте, держались и рудоуправления. Каменные дома были почти вдвое дороже деревянных, и это позволяло быстрее освоить ассигнования. Но для трехэтажных зданий ни в рабочем поселке, ни тем более в тайге при рудниках не было ни водопровода, ни канализации, ни теплофикации.

Кроме того, жильцы таких домов не могли вести подсобное хозяйство. А последнее стало в начале 1930-х гг. для жителей западносибирских новостроек главным условием выживания. Из-за резкого роста производственных программ с конца 1920-х гг. быстро росла численность населения. Как следует из непрерывных обращений строительных и рудничных управлений, все это «добавочное» население не обеспечивалось не только жильем, но и снабжением из централизованных фондов.

О причинах продовольственного кризиса в Кузбассе говорилось на заседании Урало-Кузнецкой комиссии, созданном Госпланом РСФСР 10 марта 1931 г. по инициативе крайисполкома. Сельское хозяйство в районе промышленных новостроек изначально было ничтожным, но при размещении гигантских предприятий это обстоятельство игнорировали. Развернуть в короткий срок, одновременно с форсированным промышленным строительством, местную продовольственную базу в Кузбассе (пригородное хозяйство) не удалось. Как сообщил представитель Сибкрайсоюза, для молочных ферм и огородного хозяйства, предназначенных для улучшения быта рабочих, не были выделены ни семена из централизованных фондов, ни хотя бы один трактор, тогда как требовалось освоить более 20 тыс. га, не хватало людей [18, л. 6–6 об.]. Завезти все необходимое из европейской части страны также оказалось невозможно. Сотрудники Наркомата снабжения заявили, что Наркомснаб столько населения «кормить не может», т. к. объем продовольствия для Западной Сибири жестко фиксирован. Наркомат мог увеличивать снабжение одних категорий населения Кузбасса, лишь снимая пайки с других [18, л. 14, 19].

Положение усугублялось тем, что данные по Кузбассу изначально были заниженными против фактических. Так, реальный «коэффициент семей-

ственности» в Кузбассе составлял 1:3, тогда как снабжение из Центра осуществлялось по «ошибочной» норме 1:0,78, а из рабочего населения на централизованном снабжении находилась лишь половина [18, л. 19, 8, 14]. В результате, как заявил представитель ЦК Горняков, «на сегодняшний день мы имеем удовлетворение снабжением [лишь] на 20–23 % по ряду районов, вплоть до самых крупных» [18, л. 8]. В итоге сама жизнь заставила промышленные управления заняться деревянным строительством, а рабочие еще ранее, оставшись в Сибири на зиму с семьями без жилья, массово строили землянки и заводи примитивные хозяйства. В некоторых более обжитых населенных пунктах (Щегловске и Прокопьевске) строительство землянок стимулировалось дороговизной частного жилья, которое по качеству было не многим лучше самостроя.

Город. Финансирование нового городского строительства также оказалось неполным. Ни Госплан РСФСР, ни Центральный коммунальный банк в годы первой пятилетки даже не планировали финансовые вложения для создания в новых промышленных городах Западной Сибири городских строительных организаций и предприятий, коммунальных сооружений и транспортных сетей [18, л. 2, 11, 12, 15–15 об.]. В сметах заводов и шахт на жилищное строительство их тоже не было, не могли их финансировать и горсоветы. [18, л. 108 об.].

В Новосибирске и Барнауле это обстоятельство постарались учесть: некомплектные соцгорода вместе с их комбинатами, при активном участии местных властей, уже на стадии размещения были расположены вблизи существующих городов, которые стали базами для нового строительства. Благодаря этому значительная часть (до 45 %) строительных рабочих расселялась в уже существующем жилом фонде. Обслуживанием и снабжением новостроек занимались находившиеся в подчинении у горсоветов и краевых властей местные организации, строительные, коммунальные и культурно-бытовые предприятия, а также транспортная инфраструктура [23, л. 11; 24, л. 25 об.–26, 61–61об.; 25, л. 1–3, 9–9 об.; 26, л. 13; 27, с. 15–16].

Напротив, в Кузбассе, где новостройки располагались в совершенно неосвоенных местах, жилая застройка оказалась привязана к промышленным предприятиям. Строительство здесь вели только стройуправления заводов и шахт. Отсюда отмечаемое всеми современниками разнообразие типов гражданских построек и их облика: каждая промышленная организация или шахта применяла свои типы зданий и конструкций [18, л. 112, 121]. Если Кузнецкий завод стал строительной базой Сталинска и его первые колонии возникли рядом с ним, то подсобные цеха других предприятий Кузбасса сыграли аналогичную роль для своих поселков. При отсутствии развитой сети городских мощеных дорог и мостов (еще одно проявление ведомственной «некомплектности»), по которым можно было перевозить стройматериалы и рабочую силу, все новое жилье оказалось привязано к так называемым строительным дворам своих же заводов и шахт.

Еще одним ведомственным фактором разбросанности поселений стало отсутствие в новых городах общегородских коммунальных сооружений [18, л. 103–103 об., 113–113 об.]. Немногочисленные капитальные здания (жилые

и административные) получали коммунально-бытовые услуги от своих же предприятий [18, л. 23, 116, 116 об., 117]. Транспорт, водопроводная сеть (город получал воду из промышленного водопровода), канализация, городская электросеть и теплофикация (от рудничной или заводской ЦЭС), ассенизационный обоз, бани и прачечные находились в ведении стройуправлений заводов и шахт [18, л. 113–113 об., 120]. В итоге размещение гражданских построек во многом определялось расположением их строительной и коммунальной базы – промышленности, а разбросанность была прямым следствием разбросанности самих предприятий.

То есть в Кузбассе жилая застройка также проявила тенденцию к «комплектности», но кооптировалась не с городами, а со своими предприятиями. Современники описывают каждый город как своеобразное «лоскутное одеяло», состоящее из множества замкнутых колоний, каждая из которых была завязана на свое отдельное предприятие и представлена постройками-эндемиками. Например, Кемерово к 1934 г. был рассечен множеством природных и антропогенных препятствий и состоял из 23 обособленных поселков и «нахаловок», застроенных домами всевозможных типов [28, с. 48–61].

Почему такие колонии не проявили тенденцию к объединению в город в дальнейшем? Во-первых, на протяжении 1930-х гг. в новых городах так и не возникли общегородские коммунальные и культурно-бытовые сооружения, которые могли послужить альтернативным эпицентром застройки. Во-вторых, горсоветы, заинтересованные в таком развитии, не смогли занять положение активных участников градостроительного процесса. За исключением Щегловска, где имелся небольшой коммунальный фонд, остальным горсоветам и горкомхозам Кузбасса управлять было просто нечем, и они остались на положении статистов [18, л. 108, 120].

Построив свою часть жилого фонда, строительные и рудоуправления сосредоточили его эксплуатацию в своих руках. У них были свои коммунальные отделы, независимые от горсоветов. Их плановые отделы бесконтрольно планировали дальнейшее гражданское строительство вблизи своих же предприятий [18, л. 107 об.–108]. При каждом из них вскоре возникли и свои карликовые «общественные центры» – группки культурно-бытовых учреждений, которые обслуживали только «своих» рабочих, а не весь город [18, л. 108, 112 об., 121]. Такое строительство велось «совершенно без системы и без всякой связи с будущим строительством не только новых городов, а и обслуживающих учреждений» [18, л. 120 об.]. Колонии вырастали из «своих» предприятий, а не росли друг к другу. А остававшиеся между ними участки быстро занимались инженерно-строительными объектами и коммуникациями предприятий. «Временные» железнодорожные пути, трассы ЛЭП, зоны отчуждения, склады и карьеры, а также траншеи, отвалы грунта и строительного мусора все более разрезали территории [18, л. 116].

Выводы

Некомплектность промышленного и городского строительства была характерной чертой ведомственного подхода и обусловила неизбежность его трансформации в местных условиях.

1. В сметах стройуправлений заводов и шахт отсутствовали расходы на комплексное исследование местных условий, привязку к ним технологий производства и преобразование природной среды. Региональной особенностью антропогенного ландшафта Западной Сибири стало отсутствие огромных охладительных прудов при комбинатах-гигантах в приречных городах и колоссальные массивы подрабатываемых территорий, испещренных громадными воронками и провалами в угольных городах. В Кузбассе возник дефицит удобных строительных площадок, а заводы и шахты, не имевшие в сметах расходов на благоустройство рек и закладочное хозяйство, начали ожесточенную борьбу против городов за угленосные и незатопляемые территории. Предприятия игнорировали местные строительные материалы, ведомственное обеспечение новостроек было неполным, и население восполняло острую нехватку жилищ и продовольственного снабжения массовым строительством малоэтажного жилья с приусадебными участками.

2. В сметах на строительство новых городов отсутствовали расходы на создание коммунальных предприятий, культурно-бытовых сооружений, инженерно-транспортной инфраструктуры, городских стройорганизаций и стройиндустрии. В относительно хорошо изученных Новосибирске и Барнауле краевые власти учитывали ведомственную специфику и пытались устранить неполноту смет за счет использования местных условий. Они пожертвовали узкими интересами промышленности (высотой водоподъема для предприятий) и добились размещения новостроек вблизи городов и за поймой, где были выгодные строительные условия. Близость к городу смягчила жилищный кризис и проблему снабжения.

3. Напротив, в неосвоенном и неизученном Кузбассе стройуправления предприятий пытались реализовать ведомственные установки «в чистом виде»: строили по ущербным сметам и игнорировали местную специфику. В результате здесь в неорганизованной, стихийной форме наблюдается то же явление, что в Новосибирске и Барнауле: городское строительство стремилось к кооптации с существующими строительными и коммунальными предприятиями, роль которых здесь играли заводы и шахты. Привязанность к последним обернулась разбросанностью застройки, возникло множество изолированных колоний и пестрая архитектурно-градостроительная среда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Косенкова, Ю.Л.* Опыт формирования правовой основы советского градостроительства. 1920–1930-е гг. / Ю.Л. Косенкова // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования: сб. науч. тр. НИИТИАГ РААСН. – М. : УРСС, 2010. – С. 335–351.
2. *Косенкова, Ю.Л.* Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. Изд. 2-е, доп. / Ю.Л. Косенкова. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 440 с.
3. *Коньшева, Е.В.* «Берег левый, берег правый»: Э. Май и открытые вопросы истории советской архитектуры (на примере проектирования и строительства Магнитогорска) / Е.В. Коньшева, М.Г. Меерович // Архитектон: известия вузов. – 2010. – № 30. – Условия доступа : http://archvuz.ru/numbers/2010_2/018 (дата обращения : 08.09.2014).
4. *Коньшева, Е.В.* Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска) / Е.В. Коньшева. – М. : ЛЕНАНД, 2012. – 224 с.

5. *Планировка промышленных районов* / под общ. ред. А.С. Вайнцвайга. – М. : Госстройиздат, 1934. – 63 с.
6. *Горлов, М.П.* Задачи водного хозяйства Сибири / М.П. Горлов // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. – 1932. – № 6. – С. 13–17.
7. *Государственный архив* Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 86.
8. *ГАО.* Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 951.
9. *Никитин, М.* Жемчужина Кузбасса: Очерки М. Никитина, Г. Вяткина о строительстве рудника и города Прокопьевска в Кузбассе и о людях, создавших его / М. Никитин, Г. Вяткин ; отв. ред. В. Итина. – М. ; Л. : ОНТИ НКТП СССР, 1935. – 111 с..
10. *На угольных пластах Кузбасса*: сб. очерков о жемчужине Кузбасса – Прокопьевске. – Новосибирск : Запсиботделение, 1931. – 156 с.
11. *Абелев, Ю.М.* Практика строительства на лессовидных грунтах по опыту Кузнецкстроя / Ю.М. Абелев. – М. ; Л. : Госстройиздат, 1934. – 76 с.
12. *ГАО.* Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1431.
13. *ГАО.* Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2075.
14. *ГАО.* Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1982.
15. *ГАО.* Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 338.
16. *Проблема Урало-Кузбасского водного пути* / под рук. К.М. Лепина. – М. : Советская Азия, 1932. – 44 с.
17. *Бардин, И.П.* Жизнь инженера / И.П. Бардин. – Новосибирск : Новосибирское областное издательство, 1939. – 194 с.
18. *ГАО.* Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2091.
19. *ГАО.* Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1323.
20. *Хищенко, Е.В.* Идеи нового быта в архитектуре жилых зданий Новосибирска в годы первой пятилетки / Е.В. Хищенко // Архитектон: известия вузов. – 2006. – № 3(15). – Условия доступа : http://archvuz.ru/2006_3/23 (дата обращения : 08.09.2014).
21. *Хищенко, Е.В.* Социоэкономические проблемы жилищного строительства городов Западной Сибири в 1930-е годы / Е.В. Хищенко // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2013. – № 2(39). – С. 57–65.
22. *ГАО.* Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 50.
23. *ГАО.* Ф. Р-1980. Оп. 1. Д. 309.
24. *ГАО.* Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1504.
25. *ГАО.* Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 338.
26. *ГАО.* Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 771.
27. *Рукавицин.* Как строится гигант – завод комбайнов / Рукавицин // За индустриализацию Сибири. – 1930. – № 3(6). – С. 14–18.
28. *Красная Горка.* Краеведческое издание. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2001. – Вып. 2. Окно в Нидерланды / отв. ред. Г.Е. Юров. – 123 с.

REFERENCES

1. *Kosenkova Yu.L.* Opyt formirovaniya pravovoy osnovy sovetskogo gradostroitel'stva. 1920–1930-ye gg. [Experience of forming the legal basis for the Soviet city planning. 1920–1930]. Gradostroitel'noye iskusstvo. Novyye materialy i issledovaniya. *Proc. NIITIAG RAACS*. Moscow : URSS, 2010. Pp. 335–351. (rus)
2. *Kosenkova Yu.L.* Sovetskiy gorod 1940-kh – pervoy poloviny 1950-kh godov. Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva. [Soviet city in the 1940s and early 1950s. From creative search to building practice]. Moscow : LIBROKOM, 2009. 440 p. (rus)
3. *Konyshcheva Ye.V., Meyerovich M.G.* Bereg levyy, bereg pravyy: E. May i otkrytyye voprosy istorii sovetskoy arkhitektury (na primere proyektirovaniya i stroitel'stva Magnitogorska) [Ernst May and open questions in the history of Soviet architecture (Magnitogorsk)]. *Architecton: Proceedings of Higher Education*. 2010. No. 30. Available at : http://archvuz.ru/numbers/2010_2/018. Last visited on Sept. 2014. (rus)

4. *Konysheva Ye.V., Meyerovich M.G.* Ernst May i proyektirovaniye sotsgorodov v gody pervykh pyatiletok (na primere Magnitogorska). [Ernst May and designing Sotsgorod in the first five years plan (Magnitogorsk)]. Moscow : LENAND, 2012. 224 p. (rus)
5. *Planirovka promyshlennykh rayonov* [Disposition of the industrial areas]. Ed. A.S. Vayntsvayg. Moscow : Gosstroyizdat, 1934. 63 p. (rus)
6. *Gorlov M.P.* Zadachi vodnogo khozyaystva Sibiri [Objectives of water resources in Siberia]. *Sotsialisticheskoye khozyaystvo Zapadnoy Sibiri*. 1932. No. 6. Pp. 13–17. (rus)
7. *State Archive*. Form R-12. List 3. Proc. 86. (rus)
8. *State Archive*. Form R-12. List 3. Proc. 951. (rus)
9. *Nikitin M., Vyatkin G.* Zhemchuzhina Kuzbassa: Ocherki... [Kuzbass pearl: essays...]. Ed. V. Itina. Moscow-Leningrad : ONTI NKTP SSSR, 1935. 111 p. (rus)
10. *Na ugol'nykh plastakh Kuzbassa*. Sb. ocherkov o zhemchuzhine Kuzbassa – Prokop'yevske. [At coal seams of Kuzbass. A collection of essays on Kuzbass pearl Prokopyevsk]. Novosibirsk : Zapsibotdeleniye, 1931. 156 p. (rus)
11. *Abelev Yu.M.* Praktika stroitel'stva na lessovidnykh gruntakh po opyту Kuznetskstroya. [Practice of building on loess soils in Kuznetskstroy]. Moscow-Leningrad : Gosstroyizdat, 1934. 76 p. (rus)
12. *State Archive*. Form R-12. List 1. Proc. 1431. (rus)
13. *State Archive*. Form R-12. List 1. Proc. 2075. (rus)
14. *State Archive*. Form R-12. List 1. Proc. 1982. (rus)
15. *State Archive*. Form R-12. List 2. Proc. 338. (rus)
16. *Problema Uralo-Kuzbasskogo vodnogo puti* [Problem of Urals-Kuzbass waterway]. Ed. K.M. Lepin. Moscow : Sovetskaya Aziya, 1932. 44 p. (rus)
17. *Bardin I.P.* Zhizn' inzhenera. [Engineer's life]. Novosibirsk : Novosibirskoye oblastnoye izdatel'stvo, 1939. 194 p. (rus)
18. *State Archive*. Form R-12. List 1. Proc. 2091. (rus)
19. *State Archive*. Form R-12. List 3. Proc. 1323. (rus)
20. *Khitsenko Ye.V.* Idei novogo byta v arkhitekture zhilykh zdaniy Novosibirska v gody pervoy pyatiletki [Ideas of new mode of life in residential building architecture in Novosibirsk during the First Five-Year Plan]. *Architecton: Proceedings of Higher Education*. 2006. No 3(15). Available at : http://archvuz.ru/2006_3/23. Last visited on Sept. 2014. (rus)
21. *Khitsenko Ye.V.* Sotsioekonomicheskiye problemy zhilishchnogo stroitel'stva gorodov Zapadnoy Sibiri v 1930-ye gody [Socioeconomic problems of housing construction of West Siberian cities in 1930s]. *Vestnik TSUAB*. 2013. No. 2. Pp. 57–65. (rus)
22. *State Archive*. Form R-917. List 1. Proc. 50. (rus)
23. *State Archive*. Form R-1980. List 1. Proc. 309. (rus)
24. *State Archive*. Form R-12. List 1. Proc. 1504. (rus)
25. *State Archive*. Form R-12. List 2. Proc. 338. (rus)
26. *State Archive*. Form R-12. List 3. Proc. 771. (rus)
27. *Rukavitsin.* Kak stroitsya gigant – zavod kombaynov [How combine harvester plant is built]. *Za industrializatsiyu Sibiri*. 1930. No. 3. Pp. 14–18. (rus)
28. *Krasnaya Gorka.* Krayevedcheskoye izdaniye. [Red Hill. Regional editions]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2001. V. 2. Okno v Niderlandy. Ed. G.Ye.Yurov. 123 p. (rus)